

ПЕРЕКРЕСТЬЯ
РУССКОЙ
МЫСЛИ

андрей
ТЕСЛЯ

александр
ГЕРЦЕН

сборник
“НАШИ” и “**НЕ**НАШИ”
письма русского

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 122/129

ББК 71.0

Г41

Составление и вступительная статья А. А. Тесли

Герцен, А. И.

Г41 «Наши» и «не наши». Письма русского (сборник) / А. И. Герцен ; [сост. и вступ. ст. А. А. Тесли]. — М. : РИПОЛ классик, 2017. — 596 с. : табл. — (Перекрестья русской мысли).

ISBN 978-5-519-64448-8

Современный читатель и сейчас может слышать эхо горячих споров, которые почти два века назад вели между собой выдающиеся русские мыслители, публицисты, литературные критики о судьбах России и ее историческом пути, о сложном переплетении культурных, социальных, политических и религиозных аспектов, которые сформировали невероятно насыщенный и противоречивый облик страны. В книгах серии «Перекрестья русской мысли с Андреем Тесли» делается попытка сдвинуть ключевых персонажей интеллектуальной жизни России XIX века с «насиженных мест» в истории русской философии и создать наиболее точную и объемную картину эпохи.

Александр Иванович Герцен — один из немногих больших русских интеллектуалов XIX века, хорошо известных не только в России, но и в мире, тот, чье интеллектуальное наследие в прямой или, теперь гораздо чаще, косвенной форме прослеживается до сих пор. В «споре западников и славянофилов» Герцену довелось поучаствовать последовательно с весьма различных позиций — от сомневающегося и старающегося разобраться в аргументах сторон к горячему защитнику «западнической» позиции, через раскол «западничества» к разочарованию в «Западе» и созданию собственной, глубоко оригинальной позиции, в рамках которой синтезировал многие положения противостоявших некогда сторон. Вниманию читателя представляется сборник ключевых работ Герцена в уникальном составлении и со вступительной статьей ведущего специалиста и историка русской философии Андрея Александровича Тесли.

УДК 122/129

ББК 71.0

© Тесли А. А., вступительная статья, 2016

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», издание, оформление, 2017

ISBN 978-5-519-64448-8

Андрей Тесля

ПЕРЕКРЕСТЬЯ
РУССКОЙ МЫСЛИ

XIX век был веком историзма, который для нас нынешних выглядит зачастую вполне анахронично, с попыткой найти «исток» своей истории, момент начала, который бы предопределял дальнейшее, и вглядываясь в который можно наилучшим образом понять современность. Прошлое здесь выступало в двойной роли — в качестве того, что определяет нас и в то же время чему мы можем изменить, сознательно или по невежеству, от непонимания, недостаточного осознания своего прошлого. Осознание истории тем самым должно было вернуть сознающего самому себе — ему надлежало узнать, кто он есть, и тем самым измениться.

В шестом «Философическом письме» (1829) Чаадаев писал:

«Вы уже наверное заметили, сударыня, что современное направление человеческого разума явно стремится облечь всякое знание в историческую форму. Размышляя о философских основах исторической мысли, нельзя не заметить, что она призвана подняться в наши дни на неизмеримо большую высоту, чем та, на которой она стояла до сих пор. В настоящее время

разум, можно сказать, только и находит удовлетворение в истории; он постоянно обращается к прошедшему времени и в поисках новых возможностей выводит их исключительно из воспоминаний, из обзора пройденного пути, из изучения тех сил, которые направили и определи его движение в продолжение веков».

Для русской мысли споры о прошлом и о месте России в мировой истории были непосредственно обращены к современности — разместить себя в истории означало для XIX века, как во многом и для нас сегодняшних, определить положение в мире, оправдать одни надежды и отбросить иные, предаться отчаянию или воодушевиться масштабностью перспективы. Определяемое настоящим моментом, интерпретация прошлого возвратным образом дает нам понимание современности, а исходя из него мы действуем, т.е. совершаем поступки, направленные в будущее, и, следовательно, независимо от того, насколько верным или нет было наше понимание прошлого, оно оказывается реальным по своим последствиям.

Интерес к прошлым спорам в истории русской мысли определяется не столько их кажущейся «непреходящей актуальностью», сколько тем обстоятельством, что мы по сей день говорим во многом посредством интеллектуального словаря, что возникает в ту эпоху, используем противопоставления, определившиеся тогда, и, встречаясь с ними в прошлом, испытываем «радость узнавания», которая нередко оказывается лишь следствием ложного отождествления.

Кажущаяся актуальность полемики прошлого связана с тем, что мы раз за разом изымаем тексты прошлого из их контекста — так, «западники» и «славянофилы» начинают встречаться далеко за пределами споров в московских гостиных и на страницах «Отечественных записок» и

«Москвитянина», оказываясь вневременными понятиями, одинаково употребимыми и применительно к 1840-м, и к 1890-м, и к советским спорам 1960-х, «азиатская деспотия» или «восточные нравы» с тем же успехом начинают встречаться хоть в XX в. до Р.Х., хоть в XX в. от Р.Х. Сблaзн наделить историю функцией прояснения смыслов современности приводит к тому, что сами исторические отсылки оказываются вневременными — история в этом случае берет на себя роль философии, в результате оказываясь несостоятельной ни как история, ни как философия.

Напротив, если говорить об актуальности подлинной, то она состоит в первую очередь в восстановлении интеллектуальной генеалогии — идеи, образы, символы, которые представляются в первом приближении «самой собой разумеющимися», едва ли не «вечными», раскрываются в момент их возникновения, когда они являются еще только метками, попытками разметить пока еще неописанную «пустыню реальности». О заслуженно знаменитой книге о. Георгия Флоровского «Пути русского богословия» (1938) Николай Бердяев отозвался, что точнее ее было бы назвать «Беспутство русской мысли» — исторический разбор все приводил к тому, что думали не так, не о том, не в той последовательности или вообще без оной. Но даже если мы согласимся вдруг со столь печальной оценкой, и в этом случае обращение к истории не будет бесплодным, ведь дело не только в вердикте, но и в понимании логики споров прошлого: «в его безумье есть система». Впрочем, сами мы так не думаем — разочарование есть обычно следствие предшествующего очарования, чрезмерных надежд, ожидания найти ответы на «последние вопросы». Но, как писал Карамзин (1815), «всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний, тем

более отечественная. [...] Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть [...]».

* * *

В серии «Перекрестья русской мысли» планируется выход избранных текстов русских и российских¹ философов, историков и публицистов, имеющих определяющее значение для выработки языка, определения понятий и формирования существующих по сей день образов, посредством которых мы осмысливаем и представляем себе Россию/Российскую империю и ее место в мире. В числе авторов, чьи тексты войдут в серию, будут и общеизвестные фигуры, такие как В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. М. Карамзин, М. П. Катков, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, так и менее известные сейчас, но без знакомства с которыми история русской общественной мысли XIX века явно неполна — М. П. Драгоманов, С. Н. Сыромятников, Б. Н. Чичерин и другие. Задачей данной серии является представить основные вехи в истории дебатов о русском прошлом и настоящем XIX века — золотом веке русской культуры — без идеологического выпрямления и вчитывания в тексты прошлого сиюминутной проблематики современности. По нашему глубокому убеждению, знакомство с историей русских общественных дебатов позапрошлого столетия без стремления непосредственно перенести их в современность — гораздо более актуальная задача, чем попытка использовать эти тексты прошлого в качестве готового идеологического арсенала.

¹ В последнем случае имеется в виду подданство автора, в отличие от самоидентификации.

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН: ПЕРВЫЙ ОПЫТ СИНТЕЗА ЗАПАДНИЧЕСТВА И СЛАВЯНОФИЛЬСТВА¹

На Герцене как на даровитом искреннем человеке видна эволюция передового человека. Он поехал на Запад, думая, что там найдет лучшие формы. Там перед его глазами прошли революции, и у него появилось разочарование в западном строе и особенная любовь и надежда на русский народ.

*Л.Н. Толстой в разговоре с Э. Моодом,
17 октября 1906 г.²*

Для советских интеллектуалов на протяжении десятилетий А.И. Герцен (1812–1870) был одной из немногих официально разрешенных «отдушин» — при всех колебаниях

¹ Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6. Тема: «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)».

² Литературное наследство. Т. ХС: У Толстого. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 2. 1906–1907. — М.: Наука, 1979. С. 273.

курса в отношении интерпретации конкретных фигур, при постоянном пересмотре пантеона, выдвижении одних и исключении других¹, его место было обеспечено благодаря во многом случайной статье В.И. Ленина², написанной к столетней годовщине со дня его рождения, в 1912 г. Он был тем, кто входил в генеалогию праотцов русской революции, вместе с декабристами числясь в ряду «дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века». И, как и декабристы, для советского мира он был законным выходом в иной мир — мир дворянского быта, иных, далеких от «революционной этики», представлений о должном, иных способов жить с собой и с другими.

И декабристам, и Герцену пришлось поплатиться за этот статус — включенные в революционный канон как «предшественники» и «провозвестники» (причем декабристы во многом благодаря усилиям самого Герцена и той интерпретации, которую он дал декабристскому движению), они при пересмотре отношения к самой революционной традиции оказались пострадавшими — теперь они выступили в качестве тех, кто готовил условия и создавал предпосылки для последующей катастрофы, русский XX век выступил результатом их усилий, — и оценка последнего возвратным образом стала основанием для пересмотра отношения к первым. Впрочем, как предшественники отдаленные, они не столько вызвали посмертное осуждение, сменившее хвалу, сколько потеряли интерес — если теперь можно бы-

¹ Достаточно вспомнить историю изучения народничества, после бурного расцвета в 1920-х затем фактически ликвидированную и лишь уже в весьма скромных формах вновь начавшую развиваться с 1960-х.

² Ленин В.И. Памяти Герцена. — Первоначальная публикация: Социал-демократ № 26, 8 мая (25 апреля) 1912 г.

ло непосредственно изучать тот самый дворянский мир, интеллектуальные разногласия и быт московских салонов 1830–1840-х, то потребность в камуфляже исчезла.

Для советского мира Герцен был дозволенной альтернативой и в ином, куда более существенном смысле, поскольку его тексты, одновременно почитаемые и яркие, представляли альтернативу не «социализму», но в рамках «социализма», другой вариант, не вынуждавший противопоставлять себя советскому миру, но ставить под вопрос, опираясь на авторитет классика, то, что иначе выступало бесспорным — отстаивать словами «русского социалиста» принципы, которые, без ссылки на авторитет, выглядели бы апелляцией к «либерализму» (противопоставляемому «демократизму»). Но там, где ранее он был пределом дозволенного, теперь он стал с противоположной стороны — вновь столь же непоследовательный и колеблющийся, теперь он представлял как частный случай русского движения «влево», неспособности удовлетвориться конкретными решениями, принять существующий порядок вещей и стремиться к частным переменам, а не к общему изменению всего сущего. Изучая Герцена как основоположника русской революционной традиции, Мартин Малиа¹ интересовался именно тем, почему в русской мысли возобладали крайние течения — случай Герцена представлялся ему в этом отношении весьма показательным и многое проясняющим: как и многие другие интеллектуалы в ситуации, когда они не имеют возможности влиять на существующий порядок вещей, он не испытывал необходимости сдерживать ход своей мысли — реальные ограничители, в виде попыток при-

¹ См.: Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812—1855 / вступ. ст. А. Павлова; пер. с англ. А. Павлова, Д. Узланера. — М.: Территория будущего, 2010.

менить эти идеи на практике, отсутствовали, но в равной мере они отсутствовали и для куда более умеренных. Независимо от того, насколько радикальной или умеренной, реформистской или революционной, конституционной или ниспровергающей была политическая позиция, она в любом случае оказывалась противостоящей власти, в любом случае существующий режим рассматривал ее сторонника в качестве врага, а не оппонента, а раз так, то исчезали причины быть сдержанным в своих мыслях и чаяниях, поскольку в любом случае путь к их осуществлению мог лежать лишь через радикальное изменение существующего порядка вещей — всему надлежало измениться, чтобы что-нибудь могло быть воплощено. Спор или скорее ссора Герцена с «молодой эмиграцией» в подобной интерпретации означал не столкновение двух разных позиций, а Немезиду — Герцен столкнулся с теми, кто шел и рассуждал по той же модели, что была присуща ему в молодые годы и в первые годы эмиграции.

Для левых Герцен изначально был слишком «справа», его вновь и вновь — и не без оснований — подозревали в либерализме (с чем охотно соглашалась отечественная либеральная мысль в начале XX века, дабы с опорой на авторитет Герцена противостоять революционным лозунгам), непоследовательности, колебаниях. Он был легко отдан ими истории, поскольку извлечь из его наследия нечто актуальное для современной левой мысли если и можно, то не прямым путем, он не только слишком погружен в свое время, в давно отошедшие споры, так к тому же является и автором тех самых упований на возможность «крестьянского» социализма, на обходной путь к будущему, минуя буржуазный мир, которые несколько раз были похоронены в разных уголках мира сначала в XIX, а затем и в XX веке.